

Глава 33. Ученичество

После того как в первый день Ло Юй пригласил толпу гостей для «разогрева» и немного ушел в минус, дела в ресторане западной кухни стремительно пошли в гору. С каждым днем свободных мест становилось всё меньше, а вскоре и вовсе начался настоящий ажиотаж.

Во все времена люди падки на новизну. Большинство блюд из меню были местной публике совершенно в диковинку, а распробовав их, гости не скупились на похвалу. Несмотря на довольно высокие цены, изысканная обстановка ресторана подчеркивала статус посетителей, что и привлекало состоятельных людей. В уезде Линьцзян, может, и не было великих аристократических семей, но мелких чиновников и зажиточных купцов хватало с избытком, так что за выручку можно было не беспокоиться.

Стоило славе о заведении разойтись шире, и в Линьцзян потянулись бы гости не только из префектуры Юэпин, но и из более далеких краев.

Ло Юй и Хэ Вэйси сияли как медные тазы — ресторан приносил баснословную прибыль. Второй молодой господин уже всерьез подумывал о том, когда стоит открывать филиал в столице префектуры.

Впрочем, еще более прибыльным делом должно было стать элитное закрытое заведение. Ведь люди охотнее всего тратят деньги на развлечения и удовольствия. Но такой клуб лучше открывать в столице — вот где настоящий рай для богачей.

Однако не успел Ло Юй как следует насладиться успехом, как грянула беда.

Закончив завтрак, он уже собирался ускользнуть в ресторан, но Ло Чжань крепко схватил его за плечо.

— Сегодня я провожу тебя в школу. Иди надень что-нибудь приличное и приведи себя в порядок.

— Брат, ну какой смысл? Я только-только открыл дело, там еще конь не валялся, всё нужно контролировать лично, — заискивающе пробормотал Ло Юй. — Давай с учебой повременим, а?

«Деньги сами себя не заработают. К тому же я — современный выпускник университета, чему меня здесь учить?»

— Нет, — отрезал Ло Чжань с ледяной серьезностью. — Твои отговорки не принимаются. Сегодня ты пойдешь со мной и поклонись учителю. И даже не думай хитрить — мое терпение на исходе.

Видя, с каким торжественно-суровым видом брат идет в наступление, Ло Юй почувствовал

азарт. Он решил испытать судьбу и, вызываяще прищурившись, подначил:

— А если я скажу «нет»? И что ты мне сделаешь, а, братец?

Он даже умудрился нагло подмигнуть, выглядя в этот момент донельзя заносчиво.

Не успел он закончить фразу, как Ло Чжань молниеносно коснулся нескольких точек на его теле. В ту же секунду Ло Юя пронзила острая смесь боли, онемения и нестерпимого зуда — казалось, по венам строем маршируют тысячи разъяренных муравьев. Ощущение было настолько «ярким», что словами не передать.

— Брат... Брат, я всё осознал! Я пойду... пойду в школу! — взмолился Ло Юй.

Он решил сначала согласиться, а уж потом, когда его «разморозит», задобрить брата парой ласковых слов.

— Скорее отпусти! Мне худо!

Ло Чжаню на мгновение стало его жаль, но он понимал: если сейчас не приструнить этого негодника, тот окончательно сядет ему на шею.

— Ты уверен? — неспешно осведомился старший брат, подавляя желание немедленно разблокировать точки. — Стоит мне тебя отпустить, и ты снова начнешь торговаться.

— Нет... честное слово! Буду слушаться во всём! — клятвенно заверил Ло Юй. — Брат, умоляю, я больше не выдержу.

Ло Чжань достал из-за пазухи лист бумаги и письменные принадлежности.

— Раз уж решил слушаться, подпиши вот это.

Желая лишь одного — избавиться от мучений, Ло Юй, даже не вчитываясь в содержание, быстро вывел свое имя.

Когда Ло Чжань наконец снял блокировку, парень, утирая холодный пот со лба, вцепился в бумагу. На листе значилось:

1. Беспрекословно слушаться наставника и не проказничать.
2. Прилежно выполнять все домашние задания, не прибегая к уловкам.

3. Жить в мире с соучениками и никого не задирать.

4. После занятий немедленно возвращаться домой, не водиться с сомнительными личностями.

...

Ло Юй горько пожалел о том, что решил бросить вызов авторитету брата. Оказалось, Ло Чжань заранее вырыл яму и терпеливо ждал, пока младший в нее угодит.

Он хотел было возмутиться, но вовремя осекся и лишь обиженно уставился на брата.

— Как ты мог так поступить? Шантажировать собственного брата... Я был о тебе лучшего мнения.

Ло Чжань неловко кашлянул.

— Ты еще юн и целыми днями якшаешься с бог весть кем. У меня сердце не на месте. К тому же ты сам говорил, что в твоём мире дети учатся до двадцати лет. Так что в посещении школы нет ничего необычного.

Ло Юй понял, что спорить бесполезно. Раз уж он оказался в этой эпохе, придется ассимилироваться. Да и образование лишним не будет — не хотелось бы краснеть, если кто-нибудь решит изящно обругать его стихами, а он и смысла не поймет.

С того дня за любой проступок Ло Чжань неизменно «замораживал» брата точным ударом по точкам. Эта практика прекратилась лишь тогда, когда их отношения перешли в иную плоскость, уступив место другим наказаниям.

Ло Чжань специально взял отгул и, подготовив традиционные дары для подношения учителю, лично отвел брата к Сюцаю Мэну. Путь до дома наставника занял немногим меньше получаса.

Школа располагалась в просторном доме с двумя дворами: первый был отведен под классы, а во втором жила семья учителя.

Мэн был мужчиной лет пятидесяти, среднего роста и худощавого телосложения. Его лицо украшала аккуратная клиновидная борода, придававшая ему вид весьма ученого мужа.

После положенных приветствий Сюцай Мэн ответил коротким кивком. Поглаживая бороду, он обратился к Ло Юю:

— Поведай, чему ты обучался ранее?

Как современный человек, Ло Юй имел некоторое представление о классических трудах, необходимых для государственных экзаменов. В свое время он от нечего делать искал в «Цяньду», что именно нужно зубрить древним студентам. Чтобы получить хотя бы степень сюэя, нужно было знать назубок тринадцать канонических книг.

Обучение обычно начинали в четыре-пять лет с «Троесловия», «Тысячесловия» и «Леса юных знаний». Затем переходили к «Четверокнижию»: «Канону сыновней почтительности», «Великому учению», «Учению о середине», «Лунь Юю» и «Мэн-цзы». Следом шло «Пятиканоние»: «Книга песен», «Книга истории», «Книга перемен», «Книга обрядов» и «Цзо чжуань».

Заучив и осознав всё это, можно было пытаться счастья на экзаменах. К счастью, книг было много, но они были короткими — например, в «Великом учении» всего пара тысяч иероглифов. Говорили, что всё «Четверокнижие» и «Пятиканоние», вместе взятые, по объему не дотягивают до одного современного учебника по литературе для старших классов.

Из этого списка Ло Юй мог припомнить кусок «Троесловия», кое-что слышал о «Тысячесловии», а вот с остальным было туго. Из канонов он знал лишь отдельные отрывки, входившие в школьную программу.

Мэн, видя его замешательство, уточнил:

— Сможешь прочесть «Троесловие»?

Ло Юй виновато кивнул.

— Немного... самую малость.

Учитель велел:

— Начинай.

Ло Юй забормотал:

— В начале жизни... человек по природе добр... природы близки, привычки далеки... Если не учить, природа изменится... Путь учения... в сосредоточении... Мать Мэн-цзы... выбрала соседей... сын не учился... сломала станок...

Он замялся. Что там дальше? Ладно, буду выдавать то, что всплывает в памяти.

— Вскармливать и не учить — вина отца... Учить без строгости — лень учителя... Нефрит без огранки не станет сосудом... Человек без учения... не познает долга...

Договорив до этого места, он осторожно глянул на наставника.

— Это всё, что я помню.

Мэн посмотрел на него с едва заметной ироничной усмешкой.

— И впрямь... самая малость.

Ло Юю стало не по себе. Подумать только: выпускник университета не может осилить детскую читалку! Но с другой стороны — кто из его современников помнит этот текст целиком?

Оскорбленное самолюбие заставило его покопаться в закромах памяти.

— Учитель, я еще могу процитировать «Цао Гуй рассуждает о сражении».

Сючай Мэн удивился. Человек, не знающий букваря, берется за «Цзо чжуань»? Это было любопытно.

— Слушаю тебя.

— На десятом году весны циские войска напали на нас. Князь собрался на битву. Цао Гуй просил о встрече. Его земляки говорили... Я видел, что следы их колес перепутались, а знамена поникли, потому и велел преследовать их.

Этот текст входил в обязательную программу средней школы, и память у Ло Юя была отличная — он помнил его до сих пор.

Мэн удовлетворенно кивнул.

— Понимаешь ли ты смысл сказанного?

«Еще бы не понимать — учитель нам все уши прожужжал». Ло Юй бойко изложил суть трактата.

Следом он выдал еще несколько классических стихотворений из школьного курса, в основном из «Книги песен» — вроде «Встречи у реки» и «Тростника».

Наконец учитель Мэн остался доволен. Несмотря на возраст, ученик обладал живым умом; при должном усердии из него мог выйти толк.

— Что ж, — произнес он милостиво, — я принимаю тебя в школу.

Затем последовал обряд поклонения Конфуцию, торжественная церемония почитания учителя и ритуал первой кисти. Преподав несколько наставлений, Мэн ввел нового ученика в класс.

Зал был просторным, с аккуратными рядами столов, на каждом из которых лежали «четыре драгоценности кабинета». Ло Юй насчитал двенадцать или тринадцать учеников. Большинство были совсем крохами пяти-шести лет, и лишь трое — его ровесниками. Дети с любопытством уставились на пришельца.

Мэн кратко представил его и усадил за свободный стол, велел пока читать самостоятельно. Сам же учитель принялся вызывать детей по одному для проверки заученного.

Ло Юй посмотрел на лежащее перед ним «Троесловие» и тяжело вздохнул. В четырнадцать лет зубрить азбуку — какой позор!

Но вскоре он понял, что позор — это еще полбеды. Один из учеников лет восьми запнулся на середине текста, и учитель... преспокойно отходил его линейкой по ладоням.

Ло Юй вздрогнул. «Если я не смогу ничего выучить, меня ждет то же самое? Это же будет вселенский позор».

Учитель, закончив экзекуцию, прочел провинившемуся нотацию и отпустил на место.

Проходя мимо Ло Юя, мальчишка злобно зыркнул на него, а увидев в его руках «Троесловие», и вовсе скривился от презрения. Вернувшись за стол, он принялся демонстративно раскачиваться и громко декламировать:

— Путь Великого учения состоит в раскрытии светлой добродетели, в обновлении народа, в достижении высшего блага. Лишь зная цель, обретаешь покой...

Ло Юй замер.

«Что ж, поделом. Семилетний ребенок читает "Великое учение", а я, взрослый лоб, сижу с букварем. Трагедия, чистой воды трагедия!»

Ему безумно хотелось бросить всё и сбежать, но страх перед «заморозкой» брата был сильнее. «Ладно... придется потерпеть».

Так началась его школьная жизнь.

К удивлению Ло Юя, многолетняя привычка к учебе в современном мире помогла ему быстро втянуться. Да и учебные часы были щадящими — с восьми утра до четырех вечера с двухчасовым перерывом на обед.

После занятий он сразу отправился в ресторан. В его личном кабинете уже ждал Хэ Вэйси.

— Ты где пропадал? Почему только сейчас явился? — спросил Хэ. — Дома что-то случилось?

В последние дни Ло Юй приходил еще до полудня, так что отсутствие партнера вызвало вопросы.

Ло Юй вытащил из-за пазухи «Троесловие» и швырнул его на стол.

— Брат сослал меня в школу. Заставил поклониться учителю и грызть гранит науки. Теперь я буду приходить гораздо позже.

— Быть не может! Ты только сейчас взялся за «Троесловие»? Ха-ха-ха! — Хэ Вэйси покатился со смеху. Он окинул друга издевательским взглядом. — Может, у меня в глазах двоится? Тебе точно не пять лет?

— Очень смешно, — огрызнулся Ло Юй, холодно посмотрев на собеседника. — Можно подумать, ты у нас великий книжник.

Хэ Вэйси кое-как подавил смех, хотя в его позе по-прежнему сквозило легкомыслие.

— В этом вопросе я и впрямь посильнее тебя буду. Но не переживай, через пару лет ты меня обгонишь.

— Да неужели? Неужто ты одолел «Четверокнижие»? — с сомнением хмыкнул Ло Юй. — Ты? Тот, кто только и знает, что по кабакам шататься?

Хэ Вэйси внезапно посерьезнел и кивнул.

— В семь лет я уже бегло читал все каноны. Но потом в семье случилась беда, и об учебе пришлось забыть.

— И что за история? — любопытно спросил Ло Юй.

Хэ Вэйси покачал головой.

— Как-нибудь в другой раз.

<http://bllate.org/book/17556/1714566>